

A scenic winter landscape featuring snow-covered mountains, evergreen trees, and a small village in the distance. The sky is a mix of blue and orange, suggesting a sunset or sunrise. The foreground is a snowy slope with small evergreen trees.

Ирене Крекер

Снежная рапсодия

Цикл эссе

Ирене Крекер

Снежная рапсодия. Цикл эссе

«Издательские решения»

Крекер И.

Снежная рапсодия. Цикл эссе / И. Крекер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534022-1

Цикл эссе «Снежная рапсодия» Ирене Крекер — это песня в прозе о поэтах, посвятивших свои произведения зиме как времени года и вместе с тем, воплотивших в них мысли о вечных вопросах бытия: счастье, радости от общения с природой, нежности в отношении к окружающему миру. Автор пропускает поэтические строки через собственное видение и в то же время вплетает в текст воспоминания о своей судьбе, а также мысли и чувства, сопровождавшие во время написания книги.

ISBN 978-5-00-534022-1

© Крекер И.
© Издательские решения

Содержание

Посвящение «Снежной рапсодии»	6
Снегопад, снегопад	7
А снег идёт, а снег идёт...	10
А снег повалится, повалится...	13
Виновата ли зима в том, что я одна?	16
Вспоминая сокровенное	21
Может, спросить у метелицы?	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Снежная рапсодия

Цикл эссе

Ирене Крекер

Редактор Валентин Васильевич Кузнецов

Корректор Валентин Васильевич Кузнецов

Оформление обложки Альфия Мансурова

© Ирене Крекер, 2021

ISBN 978-5-0053-4022-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение «Снежной рапсодии»

«Рапсодия... про снег? О, нет
Про душу, что, не зная расстоянья
летит, и ищет остров Покаянья,
и удивлённо смотрит в высоту
туда, откуда падал первый снег
и снег последний, с Родиной прощанье
На том снегу, остался дивный след
слова без слов, и горечь расставанья
и музыка, звучащая в сознаньи
всё это время, много-много лет...»

(Наташа Ружицкая, Беларусь)

Снегопад, снегопад

Здравствуйте, Ирене!

У Вас, в далёкой южной Германии, сейчас, наверное, сухо и тепло, а у нас в Москве сегодня – обильный снегопад. Вижу за окном, что автомобили во дворе засыпаны снегом и окружены глубокими сугробами. Деревья в парке нахлобучили на себя огромные белые снежные шапки. А снег всё идёт и идёт.

А снег идёт, а снег идёт,
И всё вокруг чего-то ждёт...
Он чист, как то, о чём молчу,
О чём сказать хочу.

А о чём я молчу? О чём сказать хочу? О том, что

идут белые снега,
как по нитке скользят...
Жить и жить бы на свете,
но, наверно, нельзя...
Идут снега большие,
аж до боли светлы,
и мои, и чужие
заметая следы.

А снег за моим окном всё идёт и идёт.

Такого снегопада, такого снегопада
давно не помнят здешние места.
А снег не знал и падал,
А снег не знал и падал.
Зима была прекрасна, прекрасна и чиста.

И сами собой приходят на память стихи о снеге.

Снег кружится, летает, летает,
и, позёмкою клубя,
заметает зима, заметает
всё, что было до тебя.

А на память продолжают приходить сами собой стихи и песни о снеге. Их так много, что они сливаются в белоснежную симфонию или в снежную рапсодию, в которой звучат и чередуются разнохарактерные эпизоды на песенном материале. Снежная рапсодия звучит всё мощнее и мощнее... Но в её мелодии начинают проскальзывать и пробиваться и тревожные ноты – это, наверное, потому, что сами собой приходят воспоминания и о совсем другом снегопаде, о снегопаде другого рода.

События того вечера двадцатилетней давности я помню так хорошо, как будто он был всего лишь вчера. Да и ещё бы мне не помнить: ведь тогда мы праздновали восьмидесятилетие моей мамы. И тогда, девятого января, снег за окном валил и валил.

Поздравления, пожелания, тосты, подарки, улыбки, смех. А в какой-то момент – объявление:

– А теперь – концерт по заявкам нашего любимого юбиляра.

Мы знали, какие именно песни любит наша мама, и понимали, что не все присутствующие будут хорошо знать тексты, поэтому заранее отпечатали несколько экземпляров подборки текстов песен и раздали их гостям. Ведущий вечера спрашивает:

– Мария Георгиевна, какую из Ваших любимых песен Вы хотели бы сейчас спеть вместе со всеми нами?

И мама отвечает:

– «Снегопад».

Вступительные аккорды двух гитар внуков, и мама запела:

Я ещё не успела испить свою осень,
А уже снегопад сторожит у ворот.
Он надежды мои, как дороги, заносит
И грозит застелить надо мной небосвод.

Гости дружно подхватывают припев:

Снегопад, снегопад, не мети мне на косы,
Не стучись в мою дверь, у ворот не кружи.
Снегопад, снегопад, если женщина просит,
Бабье лето её торопить не спеши.

А после слов «Не спеши, снегопад. Я ещё не готова» по маминым щекам потекли слёзы. Глядя на неё, не выдержали женщины, заплакали, достали носовые платки. Зашмыгали носом мужчины. Так и пели до конца этой песни – с плачем, со слезами на глазах.

– А я и не думала, что жизнь пройдёт так быстро, – сказала по окончании мама, и юбилейный вечер продолжился...

Мама прожила восемьдесят четыре года. Шестьдесят лет из них она ждала возвращения мужа с фронта. Всё ждала и верила, сердцу вопреки. Ждала потому, что на сибирской станции Тяжин, где мы жили в войну в эвакуации, гадалка сказала ей:

– Будут к тебе приходиться похороны – а ты не верь им. Будут к тебе приходиться люди и говорить, что видели, как он погиб – а ты не верь им. Жив он. Только жить будешь одна, замуж ты не выйдешь. И хотя будут у тебя много предложений от серьёзных женихов, а только не решишься ты. Потому что всех их будешь сравнивать со своим мужем и не найдёшь ему равного, все они будут уступать. Потому что муж у тебя – золотой человек... Ой, да устала я очень уже сегодня. Ты, Мария, лучше приходи ко мне завтра – я тебе ещё погадаю. Жизнь у тебя – больно интересная. Как в романе. Про тебя роман писать надо. А жить будешь долго.

И Мария жила и ждала. Ожидала возвращения мужа с фронта. Ждала шестьдесят лет. До самого последнего дня своей жизни. Всё ждала и верила...

А за окном – снегопад, снегопад. И юбилейный вечер продолжается...

* * *

Уважаемая Ирене, «Снегопад, снегопад» – это один фрагмент, один эпизод снежной рапсодии жизни. А вы попробуйте на основе своего жизненного опыта создать цикл эссе под названием «Снежная рапсодия». Это будет песня в прозе о мгновениях Вашей жизни и судьбах близких и дорогих Вашему сердцу людей на фоне заснеженного земного пространства.

Желаю Вам творческих успехов.

Валентин Васильевич Кузнецов

А снег идёт, а снег идёт...

Зимнее утро. Мысли не дают покоя. Они всколыхнули пласт памяти, куда полвека не было пути. Воспоминания о снежных метелях, снегопаде, двухметровых сугробах занесли меня в те далёкие годы детства, юности, когда я просто жила, много не размышляя о происходящем, наслаждаясь тем, что каждый день готовил, и впитывая в себя мгновения прекрасного, не ведая, что это и есть счастье.

Снежинки, стучащиеся в окно, создают атмосферу того дня, когда я впервые услышала песню Андрея Эшпая на стихи поэта Евгения Евтушенко: «А снег идёт, а снег идёт...». Я тогда была девчонкой, зачитывающейся книгами и стихами лирико-романтического содержания. Душа просила чего-то возвышенного, необычного. Как сейчас помню тот день, когда мы всей семьёй смотрели эстрадный концерт с небольшого экрана нашего первого в жизни телевизора «Верховина». Само по себе было уже чудо не только слышать, но и видеть давно любимившихся певцов. Но когда вышла на сцену невысокая черноволосая девушка и запела до боли знакомым голосом простые и очень понятные каждому слова:

«А снег идёт, а снег идёт,
И всё вокруг чего-то ждёт,
Под этот снег, под тихий снег
Хочу сказать при всех:
«Мой самый главный человек,
Взгляни со мной на этот снег,
Он чист как то, о чём молчу,
О чём сказать хочу», —

в моей душе словно что-то перевернулось. Конечно, голос певицы, слова, музыка песни совершили своё действие, но образ этой девушки, её выражение лица, манера поведения манера держаться на сцене остались с того момента в моей памяти навсегда.

Вспоминаю, как после этого концерта, я, исполненная чувством нежности, обратилась к отцу с просьбой пойти погулять. Мы долго бродили по заснеженным вечерним улицам, снова и снова тихо напевая эту песню о снеге, куплет за куплетом. Каждый думал тогда о своём. Это я поняла, только повзрослев, и сейчас отдала бы всё, чтобы узнать, о чём думал тогда отец в свои немногим более сорока лет. Был ли он счастлив? Исполнились ли его юношеские мечты?

Так уж случилось, что я сначала познакомилась с Майей Кристалинской как исполнительницей популярных песен, и лишь значительно позже услышала давно знакомые строки песни в фильме режиссёра Фрунзе Довлатяна «Карьера Димы Горина». В фильме песня является как бы фоном для развития событий, связанных с жизнью основных героев. Для меня же она стала мостиком, жизненным лейтмотивом в волне воспоминаний, относящихся к шестидесятым годам прошлого столетия, в частности, к школьным и студенческим. Она напомнила мне о первой влюблённости, о прогулках с любимым по заснеженному парку, о первом поцелуе на платформе у вокзала родного города, о подругах по студенческому общежитию, в котором я прожила немного-немало, а четыре года юности.

Сюжет фильма воскрешает в памяти те дни, когда мы, повзрослевшие, почти самостоятельные, жили четвером в одной комнате как одна семья, деля горести и радости. Трёх рублей

хватало на неделю, чтобы, сложившись, питаться вместе, готовя пищу на одной кухне с другими обитателями этажа, учась и перенимая от них секреты приготовления блюд, делясь друг с другом последним. Герои фильма «Карьера Димы Горина» и находящиеся рядом, похожие на них друзья, помогали мне в моменты одиночества ощущать тепло родного очага. А после посещения нами филармонии, куда приобретались на год вперёд абонементы, в душе рождалось вдохновение, и всё, казалось, по плечу.

Слова песни «А снег идёт, а снег идёт» в исполнении Майи Кристалинской сопровождали меня в те годы повсюду.

Все мои подруги были тогда влюблены в Майю. Она стала нашим кумиром, примером для подражания. В те годы мы не думали о её творческом пути, о жизненных перипетиях, ничего не знали о ней, лишь видели и слышали эту милую девушку, хотели быть похожими на неё и пели в упоении вместе с ней: «Мой самый главный человек, взгляни со мной на этот снег...». Снова и снова слушая песню с диска большой старой пластинки, проводя много времени около нашего выдавшего виды проигрывателя, мы выучили песню наизусть и связывали с ней туманные очертания желаемого будущего: «Под этот снег и слова песни пойдём мы по жизни, – мечталось и думалось мне. – Каким ты будешь, мой самый добрый человек? Найду ли я тебя? Сможем ли мы сложить песню вдвоём?»

Майя Кристалинская – Евгений Евтушенко – Андрей Эшпай... С тех давних пор они вошли в мою судьбу. Позже я узнала, что Майя какое-то время жила в городе Новосибирске. О сибирских девчатах и пушистом снеге она знала не понаслышке, и это роднило меня с ней, вызывало ответную волну духовных озарений. Может быть, поэтому слова песни в её исполнении звучали столь проникновенно и принимались современниками Майи Кристалинской столь восторженно? Может быть, поэтому она стала одной из популярнейших певиц того времени? Может, поэтому и песня стала столь популярной.

Проживая долгие годы за границей, испытывая желание быть ближе к родному, близкому, знакомясь с биографией когда-то недостижимой даже в мыслях певицы, я попыталась узнать о ней больше. Мне стало известно, что Майя Кристалинская ещё студенткой Московского авиационного института получила всесоюзную известность. Она тогда участвовала в институтской самодеятельности, была солисткой самодеятельного ансамбля, которым руководил Юрий Саульский. Силы воли ей было не занимать. Мне почему-то вспомнилось, как я имея способность к математике, сначала хотела поступать в Новосибирский электротехнический институт. Получив тройку по физике на экзаменах за курс средней школы, резко изменила свой курс, поступив на литературный факультет педагогического института.

Имело ли это последствия? Да, конечно. Ведь моё детство прошло в сибирских таёжных краях на грани двух языков. Я даже затрудняюсь сказать, какой из них, немецкий или русский, является моим родным. По воспоминаниям родителей до моего пятилетнего возраста они говорили между собой на литературном немецком, так как, имея немецкие корни, детские и юношеские годы провели в немецких посёлках: папа – в Оренбуржье, мама – в Грузии, где преподавание велось на родном немецком языке. Много лет мне понадобилось работать над своей речью, развивать мысль, обогащать лексикон, через погружение в мир прозы, поэзии, чтобы литературным русским языком рассказывать на уроках о прекрасном, вводить учеников в чудесный музыкально-поэтический мир, учить правильно говорить на родном для них русском языке.

С тех пор прошли годы, но мне часто вспоминается одно из занятий школьной литературной студии в один из предновогодних дней. Актный зал украшен различными по форме, виду и цвету снежинками. В центре – ёлка светится разноцветными огнями. На сцене – мои девятиклассники: юноши в белых рубашках и чёрных галстуках, девушки – в белых бальных платьях. Вдохновенные, подёрнутые румянцем лица, выдают внутреннее волнение. Я тоже на сцене, среди них, в центре их, в своём праздничном белоснежном костюме и вместе с ними, вслед за ними читаю любимые стихи Евгения Евтушенко о зиме. О чём думали они тогда, мои ученики, о чём и какими словами вспоминают сегодня об этом тихом вечере накануне Нового 1984-го года?

Об этом я, наверное, уже не узнаю. Я помню только тёплую атмосферу, царившую в тот вечер в зале, и как я читала тогда под тихое музыкальное сопровождение полюбившиеся с детства стихи:

«Кто мне любовь мою принёс?
Наверно, добрый Дед Мороз,
Когда в окно с тобой смотрю,
Я снег благодарю».

* * *

Недавно в одном из книжных магазинов Германии я увидела книгу немецко-американской актрисы и певицы Марлен Дитрих «Размышления» в переводе Майи Кристалинской. Меня поразило то, что русская актриса, моя любимая с детства певица, занималась ещё и переводами с немецкого на русский. Это навело меня на мысль попробовать себя в этом роде деятельности. Так постепенно получаешь жизненные уроки от людей, давно ушедших в прошлое. Так пишется история страны, музыки, литературы. Так пишется наша история. А жизнь идёт.

А снег повалится, повалится...

«А снег повалится, повалится...
и я прочту в его канве,
что моя молодость повадится
опять заглядывать ко мне».
(Евгений Евтушенко)

Прошлое. Оно всплывает как кинолента из памяти. Молодость. Вроде, всё было недавно. Разве это срок – полвека? И событий за это время особенных не произошло, и душа по-прежнему волнуется, просит музыки. Вот только желания ведут по пути незнакомому, неизведанному в неизвестную страну белых облаков и неземной нежности.

Когда Евгений Евтушенко написал стихотворение «А снег повалится, повалится», ему было немногим более тридцати лет. С тех пор прошло полвека. За это время в его жизни, в судьбах близких ему людей произошли значительные изменения. Мы, современники поэта, почитатели его таланта, всматриваясь, вслушиваясь в «канву» его снега памяти, до сих пор пытаемся разгадать «старинный заговор огней, деревьев и пурги». Строки поэта по-своему отзываются в каждом уголке планеты, в каждом сердце. Они содержательны, несут в себе большую эмоциональную нагрузку, обладают высокой позитивной энергетикой. Однажды прочитав, их невозможно забыть. Перечитывая поэтические строки, я каждый раз открываю для себя новые страницы жизни поэта.

Оказывается у Евтушенко были белорусские корни:

«Мой дед по матери, Ермолай Наумович Евтушенко, во время Первой мировой войны был трижды Георгиевским кавалером. Он родился в селе Хомичи... Калинковичского уезда.
– Получается, что вас сюда влекут корни?
– Естественно, и корни, и то, что я всегда уважал этот народ, ту роль, которую он сыграл в Великой Отечественной войне».

«Достоверно и то, – поделилась со мной подруга из Белоруссии Наташа Ружицкая, – что поэт Евгений Евтушенко приезжал к нам, на Новогрудчину. Он отдыхал на Свитязи. Это озеро, воспетое Адамом Мицкевичем».

Сам Евгений Евтушенко вспоминает об этом времени так:

«Мы с Беллой случайно попали в музей Адама Мицкевича. Говоря честно, мы раньше и не читали его поэм; знали понаслышке. Два часа, проведённые в стенах этого древнего дома, перевернули наше представление о поэзии Мицкевича и о поэзии вообще. Мне стыдно за половину того, что я написал прежде.

Величие Мицкевича поразило нас. Новые дороги, которые мы выбрали с ней когда-то, всё же привели нас (судьба это, верно) к гениям, к старейшинам мировой поэзии. Поэмы Мицкевича – это наш новый этап. Трудно давать клятвы другим, но самому себе можно сказать, что с сегодняшнего дня я не смогу творить так, как творил раньше. И Белла тоже.

(Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, 28.6.64»).

На мою просьбу – назвать запомнившиеся строки Евтушенко – Наталья Ружицкая ответила:

«Здесь трудно определиться. Мне очень близки его строки:

«Не надо...
Всё призрачно —
И тёмных окон матовость,
И алый снег за стоп-сигналами машин.
Не надо...
Всё призрачно,
Как сквер туманный мартовский,
Где нет ни женщин, ни мужчин —
Лишь тени женщин и мужчин...»

Так книга памяти пишется каждый день. Жизнь добавляет в неё новые и новые страницы. А поэт из своего прошлого, подёрнутого завесой снега, продолжает исповедь, рассказывая о самом сокровенном, волновавшем его в молодые годы:

«И мне покажется, покажется
По Сретенкам и Моховым,
что молод не был я пока ещё,
а только буду молодым».

Тогда, в 1965-ом году, Евгений Евтушенко посвятил эти стихи Клавдии Шульженко. Известная певица, прочитав, сохранила их, и однажды, встретившись в водовороте событий с молодым композитором Григорием Пономаренко, попросила написать к ним музыку: «Я ведь капризная! Далеко не всякие слова принимаю в песне. Хотите взглянуть на один текст? Всё меня в нём устраивает. А вот музыку никто не сочинит. Уже трём композиторам отказала».

Григорий Пономаренко пишет в своей книге памяти: «Это были стихи Евгения Евтушенко про поздний снег, который напоминает солдатскую седину... Недели через три выложил я перед Шульженко готовую песню. Называлась она просто: «А снег повалится, повалится...» До глубины души затронули меня строки поэта:

«Начну я жизнь переиначивать,
свою наивность застыжу».

Он писал о себе, а я в них слышала отзвуки своих мыслей и чувств. Сколько мудрости и светлой грусти в этих строках. Не случайно, ощутив близость содержания и интонацию настроения, Клавдия Шульженко увидела в них возможность новой песни для своего исполнения. Она исполнила её впервые в 1976-ом году последнем сольном концерте, посвящённом своему семидесятилетию.

Недавно я вновь услышала эту песню на одном из порталов интернета. Встреча с ней явилась для меня повторением того отрезка молодости, когда снег видится просто снегом, падающим на землю, окутывающим города и сёла своим покрывалом, а пушистые снежинки доставляют восторг, удивление и восхищение. На меня нахлынули прежние ощущения. Приятно было окунуться в мелодию старой песни, ведущей в прошлое через настоящие седины лет.

Поэтические строки Евтушенко свидетельствуют о жизни в её развитии, ведут память по меткам и зарубинам. Только теперь осознаю вечную значимость стихов. Они о нас, о прошедших событиях истории, обо мне, о быстротечности жизни, её мгновений. Высокая поэзия звучит в его строках.

Мне посчастливилось услышать их ещё в юности в заснеженном сибирском крае. Как сейчас помню: зима 1972-го, суровая, морозы до сорока градусов, а наш Дворец культуры имени Маяковского переполнен любителями поэзии. Там проходит литературный вечер. На сцене – пожилой мужчина. Он читает стихи Евгения Евтушенко, а я в восхищении повторяю за ним знакомые и заинтриговавшие мне строки.

К сожалению, на творческой встрече с поэтом Евгением Евтушенко, состоявшейся через десятилетие в Государственной филармонии Кузбасса, мне присутствовать не удалось. Далеко развела нас жизнь. Остались только воспоминания и понимание, когда-то услышанных слов:

«Я твой
угрюмо,
верно,
и одиночество —
всех верностей верней.
Пусть на губах моих не тает вечно
Прощальный снег от варежки твоей».

О выступлениях Евгения Евтушенко в 2004-ом году в городе Кемерово, я узнала от своих земляков, проживающих в Кузбассе. Поэт встретился там с губернатором области А. Г. Тулевым, посетил памятник Эрнста Неизвестного шахтёрам. Первая творческая встреча Евтушенко на сибирской земле состоялась в Государственной филармонии Кузбасса. Конечно же, он и там читал давно полюбившиеся в моих родных краях стихи о снеге. К тому времени эта песня уже обрела свою вторую жизнь в музыке композитора Давида Тухманова. Её исполняли со многих сцен страны Муслим Магомаев, Анна Герман, Валентина Толкунова, Эдита Пьеха...

Наталья Ружицкая поделилась своим восприятием поэзии Евгения Евтушенко: «Я прочитала... перечитала... и послушала Клавдию Шульженко... И Магомаева... Его исполнение мне как-то ближе. Хотя, если честно, наибольшая радость – просто читать его стихи, без музыки. Они сами по себе. Знаешь, о чём я подумала, вот, Евтушенко... Такие дивные, глубокие стихи он написал в молодости. А ведь это его душа писала, как бы на вырост написано».

Последними строками стихотворения «А снег повалится, повалится...» поэт выводит нас на жизненную прямую, когда уже нет правил и обязанностей, когда ты свободен от условий и законов общества. Груз прожитых лет, седина на висках дают право на свободу воззрений и откровенность высказываний. Одно только удивляет меня, что уже в молодые годы Евгений Евтушенко мыслил категориями человека, познавшего мудрость, обычно приобретаемую с годами.

Виновата ли зима в том, что я одна?

Первый снег, первый след зимы. Он падал на сибирскую землю моей малой родины каждый год в начале октября, оповещая тем самым о приходе зимы. Снежинки тихо опускались на землю, окрашенную в серо-грязные тона. На её фоне они были такими беззащитными, застенчивыми, нежными, какой была в то время и я, скромная девчушка из шахтёрского посёлка. «Мама, папа, зима пришла!», – кричала я восторженно, и бежала на улицу, чтобы поймать снежинки в ладошку, потрогать, попробовать на язычок, раствориться в снежной нежности.

Незабываема пора детства, наивного и доверчивого, как тот тающий, быстро исчезающий на ладошке снег.

* * *

«Снежинка за снежинкой
Спускаются в ладонь мою,
Ошибка за ошибкой
Прощаются мне вьюгою», —

пишет молодая поэтесса Татьяна Снежина, наблюдая чарующую картину падающих снежинок. Грустные нотки вплетаются в канву снега и стиха. Они трогают сердце. Но о каких ошибках говорит она в своём поэтическом откровении? Разве могли они у неё быть, у этой молодой девушки со светлым именем Татьяна Снежина?

«А за окном всё тот же снег. Может, поэтому я – Снежина: снег, холод, пустота», – рассуждает она в автобиографии. А я смотрю в окно, за которым снежинки совершают свой медленный танец. Потом слушаю песню «Снежинка» в Татьянинном исполнении. Её необычный милый голос звучит нежно, лирично, мелодично. Интонации песни трогательны.

Интересна и её музыкальная аранжировка.

Интерес к творчеству молодой поэтессы и композитора растёт с каждой прослушанной в её исполнении песней. Благодаря возможностям интернета узнаю, что настоящая фамилия Татьяны – Печёнкина, а Снежина – литературный псевдоним. У меня появляется особое доверие к стихам Татьяны, когда читаю о том, что детство её прошло на Камчатке, где служил отец, и что в юности судьба забросила её в родные моему сердцу сибирские края, в город Новосибирск, где я неоднократно бывала у родственников и друзей в гостях. Не понаслышке она знает о зимних вечерах, о завывании вьюги за окном, о морозе, пронизывающем до костей, о седых вулканах и заснеженных сопках.

Сорок лет моей жизни тоже прошли среди снега, на снежных просторах, граничащих с горизонтом. Наверное, поэтому мне так близки темы стихов девушки: одиночество среди Вселенной, боль молодой души, поиск смысла в происходящем вокруг. Читая одно за другим стихотворения Татьяны, проникаюсь ощущениями и чувствами её героини, умеющей мыслить и философствовать о важных вопросах бытия. Случайно или неслучайно выхожу в интернете на документальный фильм о самой поэтессе. С интересом смотрю его, слушаю рассказчика, но в какой-то момент сердцу становится тесно в груди. Я неожиданно понимаю, что поэтессы, с которой я уже успела внутренне сродниться, больше нет на нашей планете. Она ушла из жизни в двадцать три года, оставив о себе память большим количеством поэтических строк. Меня

потрясла судьба девушки, захотелось больше узнать о ней, чтобы понять, о чём думала она, когда писала стихи.

* * *

«Первый снег, как любовь твоя:
Может быть – растает, может – нет.
Первый цвет ледяного дня —
Между нами – лёг первый снег.

Первый снег, как моя душа,
Твои смелые хранит следы.
И, может быть, не стоят и гроша —
Я и первый снег твоей судьбы».

Песня «Снежинка» вызвала во мне море забытых за давностью лет чувств. Одни картины непроизвольно сменялись в памяти другими. За небольшое количество времени перед глазами пробежала юность, воскресившая множество мыслей и поставившая бесконечный ряд вопросов. Пришло время собирать камни, подумалось мне. Сложилась моя жизнь или нет? Простится мне вьюгою печаль, всю жизнь не дававшая покоя, или тоска и страх перед жизнью затаились и ждут своего часа?

Первая безответная любовь, оставившая рубцы на снежной кайме. Первый поцелуй – без любви, просто потому, что должно же это когда-то произойти. Первые цветы, подаренные парнем, любовь которого отвергнута, потому что он не такой, каким рисовало его воображение, созданное на основе произведений классиков. Первые ночи без сна, когда родилось понимание, что проживаешь не свою жизнь, а потом всю жизнь преследующие строки: «Но однажды придёт она, вами высмеянная любовь...»

Почему именно эти воспоминания всплыли на поверхность при погружении в поэтический мир Снежиной? Ведь они не имеют никакого отношения к стихам Татьяны? А, может быть, всё же имеют?

Ожидание выдуманного счастья. Оно не оставляло меня в течение десятилетий. Мне кажется, что Татьяна говорит в стихах как раз об этом, но по-своему, другими словами. Я чувствую её душевную боль. В детские годы, да и в юношеские, мне казалось, что люди понимают друг друга с полуслова. А если ты одиноко блуждаешь в мире своих мыслей, то ты не такой, как все. Именно тогда потихоньку затягивает чувство одиночества. В душе поселяется ощущение пустоты, никчемности, ненужности. На смену ожидания счастья приходит разочарование. Это я осознала только в зрелые годы, а тогда жила мыслями и ощущениями Татьяны:

«Первый снег, я его ждала.
Знала, что придёт, и верила,
Верила, что не заметёт —
Всё, что я тебе доверила».

* * *

«Фантазией снега придумана встреча

Сердец одиноких холодной зимой.
Безумием ветра их вёл вместе вечер,
И ночь уводила дорогой одной».

Я не знаю, что творится в душе лирической героини Татьяны Снежиной, но, читая эти строки, вновь слышу страдания одинокой души. Она пытается найти точку опоры, место, где её поймут, услышат и признают. Но «мёрзлые окна зимы чёрно-белой пугали уютом бетонных домов».

Безверие, опустошённость, призрачность любви и мечты, которые «растворили звёзды в вихре бешеных надежд», читаются и слышатся мне в её строках «Фантазии зимы».

«С вьюгой по пути им до рассвета не дойти:
Снег заметает.
С первыми лучами недогадливой зари
Мир их растает».

На мой взгляд, прямым продолжением поиска выхода из состояния одиночества явились стихи Татьяны «Виновата ли зима», написанные в унисон предыдущим. Героиня продолжает свои размышления о причинах грусти и внутренней неуспокоенности. Она ещё пытается найти виновника своих страданий. «Виновата ли зима в том, что ты одна?» – размышляет она, находясь наедине со своей болью.

«Вихрем листья сорвала осень лютая,
Закружила, замела лихой удалью.
На берёзе у окна одинокий лист.
Вот и ты, как он, одна у окна стоишь.

Виновата ли зима в том, что ты одна?
Виновата ли весна в том, что холодно?».

Конца и края нет одиночеству героини среди людей. Это состояние души, какого-то пятого измерения, которое неподвластно изменению само по себе. Только бережное и чуткое отношение к ней могло бы вывести героиню из состояния духовной безнадёжности и пустоты. Холод, печаль и разочарование – плохие советчики.

Мне очень близки слова поэтессы тем, что тема одиночества ещё лет семь-десять назад была центральной в моих дневниковых записях. Кто был виноват в моём одиночестве? Зима, природа, люди, небеса? Я не могу ответить на этот вопрос. Это был какой-то внутренний настрой души, изначально, от рождения плачущей о своей судьбе. Чувство неудовлетворённости собой не покидало в течение десятилетий. Я успешно продвигалась по служебной лесенке, имела семью, друзей, но внутренне страдала от пустоты и бессмысленности существования. Может быть, поэтому меня так затронули песни Татьяны Снежиной?

Однажды, прожив уже полвека, из них десять в другой стране, я как будто очнулась от дум, оглянулась вокруг себя и увидела людей, нуждающихся в помощи. Я окунулась с головой в их страдания и обрела веру в себя. Я поняла, что мир создан для жизни, что надо радоваться её мгновениям.

Моя душа обрела покой лишь в тот момент, когда я, став медсестрой, правда, уже в зрелом возрасте, сознательно посвятила большую часть своей жизни людям с ограниченными психическими возможностями, престарелым и инвалидам. Одновременно с головой ушла в творчество. Об этих годах – мои книги «Мозаика моего счастья» и «Заметки практикующей медсестры», в которых описаны истории несостоявшихся судеб.

* * *

Мне думается, что в последние полгода жизни Татьяна тоже сумела преодолеть свою душевную печаль. Как поэтесса, композитор и исполнительница своих песен, она вышла на свою прямую по пути к достижению успеха. Благодаря окружающим её людям, в прежде холодном для неё снежном Новосибирске, она ощутила тепло и понимание, веру в себя, в людей, обрела личное счастье.

К сожалению, мы не являемся творцами своей судьбы. Жизнь Татьяны Печёнкиной неожиданно трагично оборвалась в 1995-ом в автомобильной катастрофе на дороге Барнаул – Новосибирск во время предсвадебной поездки в Горный Алтай. Сейчас хорошо известны стихи Татьяны:

«Если я умру раньше времени,
Вы отдайте меня белым лебедям.
Между перьев их крыл я запутаюсь
И умчусь вместе с ними в мечту свою...»

Если я умру раньше времени,
Пусть меня унесут белы лебеди,
Далеко, далеко в край неведомый,
Высоко, высоко в небо светлое».

Эти поэтические строки невольно заставили задуматься о неразгаданных тайнах бытия. Девушка, казалось, предчувствовала недолговечность жизни, о том писала, страдала, пела. Но, может быть, её душевные метания были только результатом повышенной ранимости и юношеского максимализма или просто свойством поэтической природы?

* * *

«Печаль последнюю слезинкой,
Упав с моих весенних глаз,
К тебе холодной снежинкой
В окно влетит ещё не раз», —

обращается Татьяна к сердцу каждого из нас в стихотворении «Зима». В каждой его строке на фоне снежной вьюги разлита печаль, как будто поэтесса прощается с нами словами из песни «Сегодня всё в последний раз»:

«А белый пух спустился в ночь
И кутал спящий город,
И чьи-то сны летели прочь,
Теплом пугая холод.

А утром город оживёт,
И ночь развеет ветер.
И в город белый принесёт
Лишь белый снег на белом свете».

В 1996 году увидел свет первый поэтический сборник Татьяны Снежиной «Что стоит жизнь моя?» Настоящее признание к поэтессе пришло, когда её музыкальные записи стали известны звёздам российской эстрады. На концерте в память о Татьяне Снежиной уже в 1997-ом году звучали её песни в исполнении Аллы Пугачёвой, Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Кристины Орбакайте, Михаила Шуфутинского, Николая Трубача, Татьяны Овсиенко, Лады Дэнс, Елены Борисенко, Алисы Мон и многих других, вдохнувших новую жизнь в творчество поэтессы.

Жизнь пролетает стремительно. Уже прошло много лет с тех пор, как светлая душа Татьяны Снежиной ушла за багровую дымку заката. Напоминанием о ней звучат по всей земле её слова:

«Я буду первый дождик запоздалой весны,
Я буду первой каплей, разрушающей сны,
Я буду первой радугой за мокрым окном
С дождём.
Твой первый дождь...»

Вспоминая сокровенное

Зима в тот год была особенно суровой. Снегу намело в человеческий рост. От мороза невозможно было укрыться ни в тёплую пуховую шаль, ни в шубу, выдавшую виды. Тут было не до снежинок и их танцев в студёном воздухе.

В то время я была подростком, училась в седьмом классе. С девчонками мы часто говорили о любви. Меня задевало их неверие в это святое чувство. Однажды со стихами о любви выступила перед работниками предприятия, шефствовавшими над нашим классом. Помню, что это было на концерте, посвящённом Международному женскому дню Восьмое марта. Стихи были не по моему юному возрасту, но имели успех, правда, были встречены не только бурными аплодисментами, но и улыбками женщин, почему-то вытиравших слёзы, и даже каким-то особенным смехом мужчин. Прожив богатую событиями жизнь, я только позже поняла, что, будучи неловким стеснительным подростком, я читала им, умудрённым жизненным опытом, нравоучения:

«Но однажды придёт она,
Ваши высмеянная любовь.
О, как больно она отомстит,
И тогда всю ночь, до зари,
Хоть кричи, хоть плачь, хоть умри,
Ничего она не простит...»

А в то время разговоры с девчонками о понравившихся мальчишках, ожидание принца на белом коне вылились в образ высокого, статного, сильного и нежного героя снов и мечтаний.

Время тогда было другое. Особых развлечений не было, но танцы, в Доме культуры имени 19-го партсъезда в посёлке Байдаевка, мы с подругами никогда не пропускали. Чего стоили одни приготовления к ним!

Помню, как первый раз надевала взрослое платье, как соседка по улице предложила для этого свой наряд. Всё было перемерено. Понравившееся платье надето, взрослая причёска сделана, ресницы и губы подкрашены. Щёки румянить нужды не было. Это задание мороз выполнял безукоризненно. Тогда мы ходили в больших неуклюжих валенках, одетых на тонкие капроновые чулки с шерстяными носками. Мороз знал своё дело. Руками в варежках на бегу мы растирали отмороженные щёки, уши, нос, колени, почти не реагируя на такие мелочи, не придавая им особого значения.

В один из таких дней я увидела своего принца в зале среди танцующих и замерла от неожиданности. «Это Он!» – промелькнуло в сознании. Я наблюдала за парнем на протяжении всего вечера. Нельзя сказать, что я совсем не знала его, он жил на нашей улице, но был на четыре года старше меня и имел свой круг друзей. Я до сих пор не знаю, чем он занимался в то время: работал или учился, какие планы строил на будущее?

Всезнающая подруга, заметив, что со мной что-то происходит, поспешила проинформировать: «Ты что на Лёньку Королёва пялишься? Ему вчера повестка пришла, в армию забирают». Меня от этих слов будто током пронзило, без морозца зазнобило.

Как ни странно, но на правах соседской девчонки я была приглашена к парню на проводы в армию. Родня у него была весёлая, танцы продолжались до утра. А на рассвете я пообещала Лёньке писать письма в армию. Так начался роман в письмах. Мои, конечно, были поэтичнее. Я до этого никогда не писала писем парням, да ещё полузнакомым, да ещё в армию. Ах, если бы заглянуть в то время, и хоть на минутку увидеть, что писала моя душа в порыве нежности. Помню только, что в одном из писем я отправила Лёньке Королёву стихотворение Булата Окуджавы «Лёнька Королёв»:

«Во дворе, где каждый вечер всё играла радиола,
Где пары танцевали, пыля,
Все ребята уважали очень Лёньку Королёва И присвоили ему
звание Короля».

Имя поэта стало мне известно лишь в Германии в начале девяностых годов из разговоров подруг, которые часто обсуждали новости музыкальной жизни России. Некоторые из них переехали в Германию на пять и даже десять лет позже нас. От них я впервые услышала и другие, знакомые по прошлым годам, песни Булата Окуджавы: «Виноградная косточка», «Пожелание друзьям», «Ваше благородие, госпожа Удача», «Мы за ценой не постоим», «Ваше Величество, Женщина»...

А тогда, в 1968-ом, я гордилась, что есть песня о Лёньке Королёве и мечтала стать его королевой. Я рисовала его в своём воображении статным, мужественным, сильным, одним словом, героем, человеком крепкой сибирской породы, похожим на Лёньку из песни. Я писала ему часто, по крайней мере, раз в неделю. Он отвечал на мои письма коротко, не давая особых надежд, не впуская в мир души. Как он позже рассказывал, все в армии завидовали ему, что такая девчонка его ждёт. А мне было уже достаточно и того, что получала ответные письма, сразу узнавая их по треугольной печати на конверте.

Слава богу, что время было невоенное. Мой Лёнька Королёв вернулся со службы живым и здоровым, возмужавшим и повзрослевшим. Я в то время училась на первом курсе пединститута. Он пришёл из армии осенью. Хорошо помню, как в августе была в Узбекистане и там, увидев на базаре тёплый добротный свитер, купила ему в подарок. Не знаю, почему мне сейчас это вспомнилось? Когда он пришёл из армии, то принял подарок как должное. Это тоже почему-то запомнилось.

Будучи студенткой, я жила в общежитии и приезжала домой только на выходные. Хорошо помню, что наши встречи происходили обычно на улице. Мне было хорошо с Лёнькой, когда мы бродили по заснеженным улочкам и переулкам посёлка, наблюдая за полётом снежинок, укрываясь от мороза в подворотни и подъезды домов. Мне было радостно и приятно, что он здесь, рядом, и такой, каким я его всегда представляла.

Однажды он внезапно поцеловал меня. Это был сладкий поцелуй на морозе! В течение месяца или двух мы встречались. В эти дни он был мой и для меня одной. Он умел целовать. Я не могла оторваться от его губ, пахнувших чем-то мужским, настоящим, пьянящим. Да, это было счастье! Тогда впервые я ощутила в душе музыку. Может быть, это была музыка снега, который дарил нам возможность счастливых мгновений?

Вокруг всё было белым-бело. Пушистые снежинки спускались на землю, укутывали её и нас своим снежным одеялом. И нам было всё равно, куда унесёт нас капризная выюга и что

будет завтра. Потому что сегодня был наш день – праздник Счастья и исполнения желаний. Мне хотелось, чтобы весь мир знал об этом.

«Когда метель кричит, как зверь —
Протяжно и сердито,
Не запирайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта.

Пусть будет тёплой стена
И мягкой – скамейка...
Дверям закрытым – грош цена,
Замку цена – копейка!» —

поют в зимние вечера мои подруги в Германии песню Булата Окуджавы, а я, глядя на них и вслушиваясь в знакомые слова песни, вспоминаю о сокровенном.

Зима в тот год была особенно длинной. Казалось, всё время было подчинено ей. В марте снег почти прекратился, потемнел, огрубел, осел. Картины природы уже не радовали глаз, а душа замерла в предчувствии перемен. Вновь играла радиола, но на танцы мы ходили всё реже, и я видела Лёньку уже не каждое воскресенье. У него появились новые друзья, другие занятия, о которых почти не рассказывал. Я всё еще радовалась, что стану королевой, и терпеливо ждала прихода короля. За короткими встречами следовали новые ожидания.

О чём он думает? Есть ли у него мечта? – такие мысли приходили часто, но я старалась их отогнать. В то время во мне поселилась обида. Она разрасталась, как снежный ком. И я уже не видела красоты возрождающейся природы. Я ушла в себя, но ещё теплилась искорка надежды. Может, мне только кажется, что я ему не нужна? Может, это моя мнительность не даёт радоваться тому, что имею?

Я пригласила Лёньку приехать ко мне в общежитие, чтобы познакомить с подругами по комнате, с незнакомым ему миром моей студенческой жизни.

Хорошо помню, что в тот день зима ещё раз пыталась отвоевать у весны свои права. Было очень холодно. Основательно замёрзшая, стояла на остановке, глазами выискивая Лёньку среди пассажиров, выходящих из переполненных автобусов, которые сменяли друг друга согласно маршрутному расписанию. Лёньки среди них не было. Три часа ожидания на морозе помогли понять, что я не любима. В тот зимний вечер я ещё пыталась оправдать моего короля, каждый раз давая ему время, отсрочку, до прихода следующего автобуса, но он так и не приехал. Причина оказалась банальной: у него не было перчаток. В последовавшие за этим событием дни я была, как не своя. Мысли мутили рассудок, а сознание почему-то прокручивало одни и те же строки не совсем знакомой мне песни. Теперь, в 2015-ом, я знаю, что это были строки Булата Окуджавы, посвященные Венгеровой – «Ваше Величество, Женщина».

«О, Ваш приход – как пожарище,
дымно и трудно дышать.
Ну, заходите, пожалуйста,
что ж на пороге стоять.

Кто Вы такая? Откуда Вы?
Ах, я смешной человек.

Просто Вы дверь перепутали,
улицу, город и век».

Умеют писать поэты, умеют любить и поднимать женщину на пьедестал, думаю я сегодня. А тогда, в конце шестидесятых, эти поэтические строки оказали на меня большое влияние. Я как будто распрямилась, повзрослела, окрепла душой.

С того дня делала всё, чтобы вычеркнуть имя Лёньки Королёва из памяти. Я уничтожила все фотографии и письма, напоминавшие о нём. Через пару месяцев он понял, что королева уже не ждёт своего короля, а через полгода осознал, что потерял её.

Года два король был один, как в той песне: «... уж извините, королевой не успел обзавестись». Он предпринимал неоднократные попытки вернуть любовь, ходил как тень, просил подруг поговорить со мной, приезжал в загородный пионерский лагерь, где я проходила практику пионервожатой, но я не замечала его: ушла, отстранилась, окаменела, надела на сердце панцирь.

«Но куда б я ни шла, пусть какая ни забота, По делам, или так – погулять, Всё мне чудилось, что вот – за ближайшим поворотом – Короля повстречаю опять».

Вот, пожалуй, и вся история любви, которую можно записать в несколько строк: встретились, улыбнулись друг другу и – разошлись пути, длиною в жизнь.

Может, спросить у метелицы?

«То ли вечер ворожит за околицей,
То ли полночь разлилась за окном;
Сердце тихонько стучит, да не колется —
Ой, мне смешно, смешно, смешно».

Эту песню София Ротару поёт уже несколько десятилетий. Кто бы мог подумать, что строки её останутся в моей памяти надолго, сыграют свою роль в жизни.

Зима 1978-го -1979-го года. Евпатория. Впервые я получила от профсоюза путёвку на курорт. Никогда не бывала в этих краях раньше, да ещё на курорте, да ещё в снежную зиму, да ещё под Новый год.

Зима в том году в Крыму была настоящая. Здание проживания было одноэтажным, в его подвале проходили каждый вечер мероприятия. Танцы порой продолжались за полночь. Часто звучали песни в исполнении Софии Ротару. Мне было тогда неполных тридцать. Душа выводила поэтические строки вслед за певицей, а жизнь ставила нескончаемые вопросы, один за другим: Что делать завтра, по возвращении домой? Что произойдёт в жизни дальше? Каким оно будет – будущее?

«А белая зима началась внезапно,
Вышла и метёт, метёт, метёт!
А я решу сама, что мне делать завтра,
А завтра – Новый год!»

В прямом смысле, новый 1979-ый, год я встретила на крымском полуострове. Помню, что этот день мы с подругой провели на Черноморском побережье. Я встретила с морем впервые, и этот момент запечатлён памятью навсегда. Оно было живое. Мороз не мог совладать с этой стихией, покорить её, заковать под панцирь льда. Над морем летали чайки. Они были совсем рядом, целые стаи, создающие особую атмосферу побережья. Я видела их тогда тоже впервые. Помню, наблюдала за ними, а в душе рождалась поэма о свободе полёта, о счастье, о радости, которую даёт дружба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.